

ГАМАУС ЛИЗА

Встреча на Ангаре



БЫВШИЕ

Лиза Гамаус

Встреча на Ангаре. Бывшие

<https://litres.ru/74584657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есения Сандунова — учитель английского в московской школе, победительница конкурса «Учитель года», женщина с характером, иронией и прошлым, которое она старательно забыла. Когда её вызывают из отпуска ради «важного разговора», она ещё не знает, что это не просто предложение новой работы. Это приглашение в Братск — город, где воздух пахнет промышленным дымом, а судьба играет по своим правилам.

Содержание

Глава 1. Забор	4
Глава 2. «Фигура ночи»	11
Глава 3. Шекспир	19
Глава 4. Первое сентября	26
Глава 5. Корпоратив	34
Глава 6. Танцы	40
Глава 7. День из подсознания	46
Глава 8. Как тебе Братск?	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лиза Гамаус

Встреча на Ангаре. Бывшие

Глава 1. Забор

Забор, как известно, часто получается красивее дома.

Дача моей подруги — старая рухлядь. Стоит с конца пятидесятых в окружении огромных яблонь.

Мы с Ольгой еле дождались, стораю от нетерпения, как маленькие, когда просохнут наконец доски после антисептика. С утра повязали косынки и вышли с кисточками красить.

— Если он мне не сделает предложение к концу лета, пошлю его на хер, — красит Ольга вторую доску.

— Он не сделает, — вставляю я своё авторитетное мнение.

Звонок. Мобильный. Директриса.

— Ты далеко?

— Здравствуйте, Ирин Пална, — специально комкаю имя и отчество. Здороваться надо с подчинёнными.

— Так ты далеко?

— Пешком, да.

— Сандунова, жду тебя послезавтра у себя. Важный разговор. К двум часам, — разъединяется. Ей бы на стройку командовать сварщиками, а не в школе строить учителей.

— Отличный цвет, — Ольга отходит на три шага от забора, чтобы посмотреть издалека.

Цвет обычный, зелёный, как все заборы вокруг.

— Я в Москву завтра. Шишкина вызывает.

— Ты же в отпуске. Наглая она у вас баба.

— Чует моё сердце, Шишкина мне что-то приготовила.

— Да что она там тебе приготовила? Программу поменять? Или расписание?

— Нет, дарлинг. Из-за программы с отпуска не вызывают.

На следующий день вечером выхожу на Белорусском. Иду по перрону. В конце перед зданием вокзала мой любимый памятник: солдат времён Первой мировой обнимает девушку в сарафане.

Она провожает его навсегда.

Куда мы без этих войн...

Сколько раз мимо прохожу и каждый раз думаю, что сейчас он её отпустит, и они пойдут в трактир пить чай из подстаканников. Но нет. Он её не отпускает. Она не уходит. Это памятник, детка. Здесь ничего не меняется.

В рюкзаке за спиной яблоки из Олькиного сада.

Иду домой, мне недалеко.

Захожу в булочную, выбираю ржаной бездрожжевой. Захотелось.

К двум в школе.

— Тут такое дело, — начинает директриса, — на тебя пришёл запрос.

— Не поняла, — волнуясь. Почему я так разволновалась?

— Школа называется «Ангарский лицей». Небольшая — один класс на параллель, по 20 человек. Для местной элиты, точнее, их детей.

— На Ангаре? В Сибири? Ирина Петровна, что за запрос? Я-то тут при чём?

— В двух словах так. Они открывают дорогую частную школу и ищут руководителя англоязычной программы. Им нужен не просто учитель английского, им нужен человек с именем, — поджимает она губы, как будто сказала какую-то вещь, которую ей трудно говорить. — А не надо было в конкурсе побеждать. Раз ты теперь «Учитель года», то пожинай плоды.

— Какие плоды? — я теряюсь. — Кто такие «они», где эта школа, и что мне предлагают?

— Всё на почте. Школа в Братске.

— Где?

— Генеральный проекта — Фёдор Михайлов. Позвонит. Он в Москве сейчас.

— Ирина Павловна, мы, что в армии? Это запрос или приказ? Меня никто не спросил, хочу я туда или нет.

— Сначала всё прочитай, подумай, встретиться с Михайловым, а потом поговорим.

Ухожу от неё в ещё большем волнении, чем была, когда зашла в кабинет. Я планы строила на год, всё подготовила. Облом какой-то.

Жизнь — это не то, что ты планируешь, а то, что с тобой получается, пока ты строишь планы. Кто-то сказал или повторил за кем-то.

Звонок.

— Есения Борисовна, здравствуйте, — хрипловатый баритон с лёгким сибирским акцентом. Этот акцент трудно описать, но он явно не московский. — Фёдор Михайлов. Братск. Ирина Петровна...

— Подождите, пожалуйста, — перебиваю я его. — Я только что узнала о вашем запросе. Ничего ещё не успела прочитать, что за предложение такое.

— Вы где территориально? — гнёт своё сибиряк. — Я на Тверской, кафе «Жучок», подходите, от вашей школы недалеко. Я вам сам всё расскажу.

Кафе — одно из самых дорогих. Планка сразу вверх. Ну что ж, Фёдор, сейчас приду.

— Двадцать минут, — медленно произношу.

— Жду.

Захожу в заведение. Народу полно, официанты бегают, модные девушки в мини, пахнет ванилью.

Звонок на телефон.

— Я в светлом костюме, шатен, встаю из-за стола, вас вижу, — рапортует Фёдор.

Подхожу сажусь.

На пальце обручалка. Толстая, с рисунком по кругу в виде иероглифов, из 750-й пробы.

Симпатичный, холёный, дорогой. Как будто не учитель, а модный импрессарио.

— Есения, мы ищем не просто учителя, а такую как вы: победителя «Педагогического Олимпа», готовую работать с детьми элиты и готовую переехать в Сибирь.

— Но я не особо готова...

— Условия такие: фактически завуч по иностранному образованию. Вы сама выбираете учебники, методики, нанимаете учителей по английскому и китайскому. Бюджет на учебные материалы почти не ограничен, служебная двухкомнатная квартира в новом доме с отличным ремонтом. Становитесь видимой фигурой в городе. Загибайте пальцы, Есения Борисовна, — гордо предлагает Фёдор.

— Пока всё и так запомнила.

— 220 тысяч до налогов, квартальная премия до 150 тысяч, которая привязана к результатам учеников. Ах, да, ещё и машину можем выделить, правда, скромную, но новую. Коллектив только что собран, передовой, учителя почти все мужчины, даже по литературе.

— Почему я? Дело только в конкурсе? — пытаюсь я его расспросить и тяну время, потому что не готова принять решение сразу с мороза.

— Да мы с ног сбились в поисках учителя для элитных детей, чтобы их удержать в узде, а не просто дать знания. Нам надо, чтобы учитель характер воспитал.

Ничего не понимаю. Вроде, за собой такого не замечала.

Ирина Петровна натрепалась. Наверное, хочет от меня отделаться и посадить свою протезе Пронину на моё место, не иначе. А Пронина ей постепенно, за полгода, все мозги высосет, но она этого ещё не знает. Истеричка, каких свет не видал.

— Кто-то из родителей увидел ваше выступление по телевизору, ваши, с позволения сказать, дебаты с коллегами. Как вы их на лопатки укладывали. Просмотрели и решили: «Вот такая нам нужна».

— Когда я вам должна ответить? — не люблю откровенную лесть. Особенно, когда она начинает работать.

— Ой, Есения Борисовна, не тяните. Прямо сегодня вечером и отвечайте. Мы вам три дня на сборы, билет на самолёт и встречаем в Братске на чёрной блестящей машине. Я — Генеральный проекта. Вас увидел и всё уже решил. Так что мячик на вашей стороне. Кидайте его смело.

Ухожу в растрёпанных чувствах. Может, и правда поехать?

Что меня тут держит? Своей семьёй не обзавелась, мама с папой живут у моря. Вернуться всегда успеется. Квартира есть, от бабушки досталась.

«В Москве вы — отличный учитель номер триста. В Братске вы будете — единственная. Вы построите программу, по которой будут учиться дети людей, которые держат экономику целого региона. Через десять лет эти дети будут управлять заводами, вести переговоры с китай-

цами, летать по миру. И всё это — на английском, который вы им поставили. В Москве это делает кто угодно. В Братске это можете сделать только вы», — вспоминаю я слова Фёдора. Язык у него, конечно, подвешен как надо.

Читаю то, что он мне прислал.

— Покупайте билет, Фёдор, — звоню ему вечером после душа. Была ни была!

После душа все решения кажутся чище.

Глава 2. «Фигура ночи»

Ольга с перепугу, что я уезжаю, прискакала с дачи.

— Ну, ты и учудила. Это Шишкина всё подстроила, как пить дать. Ей Пронину надо посадить, свою драгоценную невестку, на твоё место. Вот она и придумала вариант, — возмущается подруга.

— Вернуться всегда успеется. Контракт на два года всего. Два года быстро пролетят, — рассуждаю я, как будто меня туда кто заставляет ехать. В этот Братск. — Да у меня и наработок полно, как строить процесс, я давно этого хотела, если честно, но в Москве разве дадут попробовать? Шишкина бы точно не дала.

— Да так вся молодость пролетит: тут два года, там год, — не унимается Ольга. Ей жалко со мной расставаться, но делать нечего. — С другой стороны, может, замуж выйдешь за какого бизнесмена с лесопилки, там же лес рубят, вроде.

— Не хочу я замуж.

— Никто не хочет, — притворно вздыхает Ольга. — Надеюсь, ты коллекцию-то оставишь дома. Кстати, заработаешь там бабла и наконец осуществишь свою мечту. Поменяешь мастера, закажешь себе свою куклу.

Я со школы, лет с пятнадцати, собираю фарфоровые и тряпичные куклы в образах учительниц разных эпох: земская школа, советская десятилетка, современный лицей.

Иногда придумываю такой образ, который невозможно найти на рынке, тогда обращаюсь к одному известному мастеру в Сергиевом Посаде, и он мне делает куклу на заказ. По всем правилам, с механизмами, чтобы закрывались глаза и так далее. Шьёт ей соответствующую одежду, вплоть до туфель.

Моя странная давнишняя мечта — заказать куклу-учительницу, которая была бы похожа на меня саму. Но мастер отказывается.

Вообще-то у меня странная внешность, особенно нос и довольно высокий рост: метр семьдесят восемь. В профиль я похожа, смешно сказать, на нашу великую Анну Ахматову в молодости. Причёску я тоже такую ношу — с чёлочкой. Все, кто меня знает, давно привыкли, что я на неё похожа. Иногда думаю, что, может, это неправильно подражать великим. Но оно само как-то. Я никаких усилий к этому не прикладываю.

Разве что на стене висит «Фигура ночи» Модильяни.

— Копии я не делаю. Это дурная примета, Есения. Приметы так просто не рождаются, — ворчал мастер, когда я в очередной раз попросила его сделать мою копию.

— А за большие деньги сделаете? — не отставала я.

— За очень большие сделаю, — он хитрил и отнекивался, как мог.

— За сколько?

— За лимон.

— Договорились!

Мы тогда пожали друг другу руки. Помнит ли он своё обещание, не знаю. Но денег я пока на куклу ещё не накопила, естественно. Надо поискать, может быть, найдётся другой мастер, который согласится.

— А если тебе в этом Братске не понравится? Тогда что? Твоё место в Москве сгорело? — не унимается Ольга, — здорово рискуешь.

— Решаем проблемы по мере поступления.

Шишкина осталась довольна моим решением и дала Фёдору наилучшую рекомендацию, какую только могла придумать.

Короче, собрала я два чемодана со шмотками, взяла кое-какие книги и в аэропорт.

Приземляемся. Пять часов пролетели незаметно: в раздумьях, полу сне и предвкушении нового.

Из иллюминатора вижу Ангару — широкую, тёмную, с островами, и знаменитую Братскую ГЭС — серую громаду плотины, перекрывшую реку. Мощь.

Самолёт садится так, будто пилот решил проверить, выдержит ли бетон. Тряхнуло. Народ в салоне переглядывается — мол, приехали. Хлопнуть в ладоши никто не решился. За окном — серое небо, серый бетон, серые лица людей в оранжевых жилетах, стеклянное прямоугольное здание аэропорта незатейливой архитектуры.

Трап.

Я делаю вдох и начинаю кашлять. Пахнет не то чтобы га-

рю, не то чтобы химией, а чем-то средним — как будто кто-то очень долго жарил что-то на старом масле, а потом решил залить это бетоном. Промышленный, тяжёлый запах. Он не бьёт в нос, он заползает в лёгкие и остаётся там. Как будто ты не в город приехала, а в чей-то старый цех, который притворяется городом.

«Добро пожаловать в Братск, — сказал голос в голове. — Здесь все дышат. Ты тоже сможешь. Или не сможешь. Но дышать всё равно придётся».

В здании аэропорта — кафе с пирожками, объявление «Курить запрещено», но кто-то курит. Дожидаюсь своих чемоданов и иду к выходу.

Чёрный лимузин. Настоящий, длинный, блестящий, как рояль в кустах. Стоит прямо у входа, хотя парковка там запрещена. Видимо, для тех, кто держит экономику целого региона, правила — это рекомендации.

Рядом с лимузином стоит водитель. Высокий, в чёрном костюме, с лицом человека, который видел всё и не собирается это обсуждать. Лет пятьдесят. Или сорок. Или сто. Не берусь определить.

— Есения Борисовна? — спрашивает он, хотя я уверена, что он знает ответ.

— Да. Здравствуйте.

— Виталий, — представляется он и открывает заднюю дверь. — Присаживайтесь.

Кладёт мои чемоданы в багажник.

Я сажусь. Внутри — кожа, дерево, запах нового. Запах денег.

Виталий садится за руль, включает зажигание. Машина заводится так тихо, что я даже не сразу понимаю, что мы уже едем.

— Тут всегда так пахнет? — спрашиваю я, глядя в окно. За окном — промзона. Трубы, градирни, что-то дымится.

— Чем? — переспрашивает Виталий, не отрывая глаз от дороги.

— Воздухом. Как будто... как будто что-то горит. Или плавится.

Он молчит секунду. Потом говорит:

— Это алюминиевый. И лесопилки. И ещё там всякое. Привыкнете.

— Привыкну?

— Все привыкают, — пожимает он плечами. — Кто-то за неделю, кто-то за месяц. Кто-то не привыкает и уезжает. Но вы не уедете.

— Почему?

— Потому что вас Михайлов позвал. А он просто так не зовёт.

Это всё, что он говорит. Больше мы не разговариваем. Я смотрю в окно. Город — странный. Он не старый и не новый. Он как будто построен в спешке, а потом залит бетоном и забыт. Пятиэтажки, потом девятиэтажки, потом новый район. Дома выше, стекляннее, дороже. Вот туда мы и едем.

Новый дом. Действительно новый. Ещё пахнет краской и штукатуркой. Виталий паркуется у подъезда, выходит, открывает мне дверь.

— Квартира 47. Ключи внутри. Если что — звоните Михайлову.

— А вы?

— А я на связи. Но лучше Михайлову.

Он уезжает. Я стою с чемоданами у подъезда. Домофон. Код — 4747. Двери открываются. Лифт. Чистый, зеркальный. Я поднимаюсь на седьмой этаж.

Квартира.

Открываю дверь. Двухкомнатная. Светлая. Ремонт — евро. Всё новое. Мебель — есть. Посуда — есть. Даже чайник и пачка чая. Даже постельное бельё. Даже цветок на подоконнике. Фикус. Или что-то похожее. Я не ботаник.

Прохожу на кухню. Открываю кран. Вода идёт чистая. Открываю холодильник. Там — пусто, но работает. Открываю шкаф. Там — вешалки. Много вешалок. Как будто кто-то знал, что я приеду с двумя чемоданами и мне некуда будет вешать.

Выхожу на балкон. Вид — на Ангарск. Или на Братск. Или на что-то ещё. Я не разбираюсь в географии. Вид — на трубы. На лес. На воду. На небо, которое здесь какое-то низкое, как будто его придавили.

Воздух пахнет всё тем же. Я стою, дышу. Привыкну? Может, и привыкну. А может, и нет.

Звонок. Телефон.

— Есения Борисовна? — голос Фёдора. — Долетели?

— Долетела.

— Как квартира?

— Квартира хорошая. Воздух — не очень.

Он смеётся. Хрипло, коротко.

— Это Братск. Здесь воздух — это отдельный персонаж.

Вы к нему привыкнете. Или он к вам.

— А если не привыкну?

— Тогда мы что-нибудь придумаем. Например, поставим вам очиститель. Или отправим вас на Байкал. Там воздух другой. Чистый. Как в Москве. Только лучше.

— Я не была на Байкале.

— Будете. Завтра встреча с коллективом. В десять. Я заеду.

— Хорошо.

— И ещё. Есения Борисовна.

— Да?

— Добро пожаловать. Вы сделали правильный выбор.

Он отключается. Я стою на балконе. Смотрю на трубы. Думаю: правильный выбор или неправильный — это всё равно выбор.

До Нового учебного года — неделя. Завтра — коллектив. Почти все мужчины. Даже по литературе. Это, кстати, странно.

Я закрываю балкон. Иду на кухню. Завариваю чай. Са-

жусь. Смотрю на фикус.

Фикус молчит.

Глава 3. Шекспир

Утром Фёдор заезжает ровно в девять. На той же чёрной машине, только теперь за рулём он сам.

— Как спалось? — спрашивает Фёдор, когда я сажусь вперёд.

— Я везде сплю одинаково, — нашёл, что спросить, — Кофе не успела купить.

— Кофе будет сразу, как приедем, — улыбается он.

Я не улыбаюсь.

Город за окном меняется: промзона, потом лес, потом — стекло и бетон. Школа появляется неожиданно. Она не стоит, она вписывается в сосновый лес, между стволами, как будто её вырастили, а не построили. Стекланные стены отражают деревья, и кажется, что здание — это не здание, а оптическая иллюзия.

— «Школа на Ангаре», — говорит Фёдор. — Или «Ангарский лицей». Как хочешь. Название ещё не устоялось. Как и всё здесь.

Плавнo перешёл на «ты». Я делаю вид, что не замечаю.

Выходим. Воздух пахнет всё тем же промышленным, но здесь, среди сосен, он мягче. Как будто лес пытается его фильтровать. Плохо пытается, но пытается.

Внутри — стекло, свет, воздух. Не тот воздух, что на улице. Другой. Похоже, здание дышит по собственным прави-

лам. Фёдор идёт рядом и говорит. Говорит он много, потому что проводит экскурсию, а это жанр, который требует слов.

— Лаборатории, — он открывает дверь. — Химия. Вытяжные шкафы, спектрометры. Всё новое. Всё работает. Пока.

Идём дальше.

— Физика. Лазеры. Оптика. Осторожно, не смотри вон в ту штуку. Она не любит, когда в неё смотрят.

— Она?

— Все приборы — «она». Так проще. Как корабли, — подмигивает он мне, намекая на то, что в английском корабле женского рода.

Биология. Микроскопы, инкубаторы. Что-то шевелится в стеклянной банке. Я не спрашиваю, что именно.

Компьютерные классы. VR-шлемы, 3D-принтеры, интерактивные панели. Фёдор надевает один шлем, смотрит в него и снимает.

— Там ничего нет. Пока. Программы ещё не загрузили. Но к первому сентября загрузят.

Лингафонные кабинеты. Система синхронного перевода. Зоны для театральных постановок.

— Это твоё, — говорит Фёдор. — Твоё королевство.

Я киваю. Королевство. Принимает меня за наивную дуручку, не иначе.

Бассейн. Дорожки. Волейбол, баскетбол. Тренажёрный зал. Настольный теннис. Зимний сад с тропическими расте-

ниями и прудом с карпами.

— Почему именно с карпами? — спрашиваю, — Как в рыбном магазине.

— Не могу ответить. Пока карты. То есть карпы, — смеётся.

Библиотека. Электронные ресурсы. Зоны для коворкинга и тишины. Я задерживаюсь здесь на секунду дольше, чем следовало. Фёдор это замечает, но ничего не говорит.

Столовая. Меню от шеф-повара. Отдельные зоны для вегетарианцев. Пахнет ванилью и чем-то ещё. Кафе «Жучок» в Москве тоже пахло ванилью. Мир повторяется или обезьянничает у друг друга.

Театральная студия. Сцена, свет, звук.

— Здесь будем ставить Шекспира, — говорит Фёдор. — На английском. Твоя идея.

— Я ещё ничего не говорила.

— Ты подумала. Я видел.

— Может, Оскара Уальда, а может, Тома Стоппарда, — мягко огрызаюсь я. Ещё ничего не начали, а уже диктует.

Мастерские. Робототехника, столярное дело, художественные.

— Здесь мальчики делают то, что раньше делали в гаражах. Только теперь это называется «проектная деятельность».

Возвращаемся в холл. Часы показывают десять двадцать пять. Собрание в десять тридцать.

— Пойдём, — говорит Фёдор. — Познакомишься с коллективом.

Учительская — большая, светлая, с панорамными окнами. Народ уже собрался. Молодые.

Поровну мужчин и женщин. Математика, физика, химия — женщины. Строгие, умные, в очках. Литература, история, география, информатика — мужчины. Ироничные, начитанные, спортивные. Два физрука. Оба мужчины. Оба обаятельные. Это бросается в глаза даже мне, а я не разбираюсь в физруках.

Когда я вхожу, становится тихо. Не потому что я — начальство. А потому что я — новая. А новая — это всегда событие. Особенно если новая выглядит так, как я. Нос, синие глаза, метр семьдесят восемь, чёлочка. В профиль — Ахматова. Все, кто меня знает, давно привыкли. Здесь меня никто не знает. Поэтому смотрят.

Женщины смотрят оценивающе. Мужчины — иначе. Физруки переглядываются. Литератор — тот, с бородой, — не переглядывается ни с кем. Он просто смотрит. Долго. Как будто читает. Он точно узнал, на кого я похожа.

Дверь открывается. Входит директор.

Вероника Львовна Троянская. Лет сорока. Стройная, светловолосая, короткая стрижка, внимательные серые глаза. Элегантный брючный костюм. Одинока, бездетна — это чувствуется. Не по внешности, а по тому, как она держится. Как человек, у которого школа — это и есть семья.

Она подходит ко мне. Тихо, но так, что все слышат:

— Я читала о вас. Добро пожаловать в наш дом.

«Наш дом». Не «нашу школу». Дом.

Я киваю. Что я могу сказать? «Спасибо»? «Здравствуй-те»? «Я не уверена, что это мой дом»? Я говорю:

— Спасибо. Я рада быть здесь.

Это ложь. Но вежливая. А вежливая ложь — это фундамент любого коллектива.

Собрание начинается. Говорят о расписании, о программах, о том, кто что ведёт. Я слушаю вполуха. Потому что слышу другое.

— ...первого сентября, после линейки, корпоратив...

— ...в «АнгарЛес»...

— ...будет главное начальство...

— ...сам Смирнов приедет...

Я напрягаю слух. «АнгарЛес». АО «Ангарский лесопромышленный холдинг». Это они. Те, кто держат экономику целого региона. Те, чьи дети будут учиться здесь. Те, кто позвали меня. Или не они. Фёдор позвал. Но Фёдор — чей он? Генеральный проекта. А проект чей?

Я смотрю на Фёдора. Он сидит в углу, слушает, молчит. Лицо — непроницаемое. Как у человека, который знает больше, чем говорит. Или меньше. С ним никогда не знаешь.

Собрание заканчивается. Народ начинает расходиться. Я стою у окна. Смотрю на сосны.

— Кофе?

Оборачиваюсь. Литератор. Тот, с бородой. Высокий, темноволосый, насмешливый взгляд. Лет тридцать пять.

— Фомичёв, — представляется он. — Литература.

— Есения.

— Знаю. Все знают.

Он протягивает мне бумажный стакан. Кофе. Я беру.

— Спасибо.

— Не за что. Вы, я слышал, будете ставить Шекспира.

— Кто вам сказал?

— Михайлов. Он всем уже рассказал.

Я смотрю на Фёдора. Он разговаривает с Вероникой Львовной. Не смотрит в мою сторону. Но, кажется, видит всё.

— Шекспир — это хорошо, — говорит Фомичёв. — Только не «Гамлет». «Гамлета» все ставят. Возьмите «Бурю». Там есть Калибан. Он вам подойдёт.

— Почему мне?

— Потому что вы, судя по всему, тоже не совсем понимаете, что здесь делаете. А Калибан — это персонаж, который не понимает, что он делает. Но делает. И это работает.

Однако, советы. Смелость, переходящая в наглость. Уверен и спокоен. Ну, сразу я ему ничего не скажу. Оставлю на потом.

Он улыбается. Насмешливо, но не обидно. Кто-то его зовёт, он отходит.

Я остаюсь с кофе. Со вторым уже стаканчиком. «Ангар-

Лес». Первое сентября. Главное начальство. Корпоратив. В чём пойти?

Глава 4. Первое сентября

Первое сентября в Братске начинается не с линейки. Оно начинается с того, что я просыпаюсь в шесть утра, потому что за окном кто-то или что-то очень громко и очень настойчиво гудит. Промышленный гудок. Или это мне снится. Или это Братск дышит. Я пока не разбираюсь.

К семи тридцати я уже в школе. В учительской — цветы, шарики, кто-то принёс торт. Фомичёв стоит у окна с чашкой кофе и задумчиво смотрит на сосны. Картина маслом.

— Волнуетесь? — спрашивает он, не оборачиваясь.

— Нет.

— Врёте.

— Вру.

Он оборачивается. Улыбается. Насмешливо, как вчера, но он не вызывает злости или чего-то плохого. Он со всеми такой.

— Это нормально. Первый день — это всегда первый день. Даже если сто раз первый.

Линейка проходит на улице, перед главным входом. Дети стоят по классам. Родители — за ограждением. Вероника Львовна говорит речь. Короткую, тихую, но все слышат. Я стою в стороне. Смотрю на детей. Их мало. По пятнадцать-двадцать человек на параллель. Все — в одинаковой форме с логотипом «Ангара. Лицей». Тёмно-синие пиджа-

ки, белые рубашки. Девочки в платьях с белыми воротничками. Как в фильме про элитную школу. Взрослые старались.

После линейки — первый урок. У меня седьмой класс.

Седьмой класс. 8:30.

Захожу. Двадцать человек. Четырнадцать мальчиков, шесть девочек. Все сидят ровно. Смотрят на меня. Ждут.

— Good morning, — говорю я.

— Good morning, — отвечают они хором. Как в Москве.

Приучены.

Репетиторы. У всех репетиторы. Я это знаю и чувствую.

— My name is Yesenia Borisovna. But you can call me Miss Sandunova.

Они кивают. Никто не улыбается. Никто не переглядывается. Они вежливы. Слишком вежливы. Как маленькие взрослые. Первое сентября всё-таки, пока ещё послушные до хруста, как чистые руки.

Я начинаю урок. Не по учебнику. По игре. Я говорю: «Сегодня мы не будем учить грамматику и знакомиться. Сегодня мы будем играть в грамматику».

Они смотрят. Не понимают. Или делают вид, что не понимают.

Я объясняю. Игра называется «Кто я?». Каждый получает карточку с профессией. На английском. Он должен задавать вопросы. Остальные отвечают. Только «yes» или «no». Кто угадает первым — получает «купон». Потом мы будем ими обмениваться.

Через пять минут седьмой класс оживает. Они смеются. Они спорят. Они задают вопросы. На английском. С ошибками. Но задают. И это работает.

К концу урока они знают, как задавать вопросы в Present Simple. Не потому что я объяснила. Потому что они сами захотели узнать, кто они.

Звонок. Они не хотят уходить. Буду считать это хорошим знаком.

Перемена. 9:15.

Я выхожу в коридор. Смотрю на детей. Они бегают. Они кричат. Они играют в телефоны. Они — как московские дети. Но не совсем.

Московские дети — они шумные. Они наглые. Они привыкли, что мир — это их площадка. Братские дети — они тоже шумные. Но по-другому. Они шумные, потому что им некуда деться. Школа-пансионат. Второй и третий корпус. Они живут здесь. Они не уходят домой. Дом — это здесь. Поэтому они бегают по коридорам, как по собственной квартире. Только квартира большая и много соседей.

Московские дети знают, что они особенные. Братские дети знают, что их родители особенные. Это разные вещи. Разные.

Исключения, конечно, есть.

Восьмой класс. 9:30.

Захожу. Двадцать человек. Двенадцать мальчиков, восемь девочек. Они старше. Они спокойнее. Они смотрят на меня

с интересом. Но не с таким, как седьмой. Они уже знают, что я — «Учитель года». Они уже знают, что я из Москвы. Они уже знают, что я буду ставить Шекспира. Я сама ещё этого не знаю.

— Мы будем играть в грамматику? — спрашивает девочка с первой парты. Рыжая. Веснушки. Смелая.

— Будем.

— А если мы не хотим?

— Тогда вы будете учить грамматику. По учебнику. Всем классом. Хором.

Она смеётся. Класс смеётся. Я выиграла. На этот раз.

Игра другая. Называется «Суд». Каждый получает роль. Кто-то — судья. Кто-то — обвиняемый. Кто-то — адвокат. Всё на английском. Они должны спорить. Доказывать. Убеждать. Present Perfect. Past Simple. Всё в деле.

Они спорят. Они кричат. Они перебивают друг друга. По-английски. С ошибками. Но перебивают. И это работает.

Перемена. 10:15.

Я иду по коридору. Смотрю на детей. Восьмой класс — они уже не бегают. Они стоят. Группами. Мальчики — отдельно. Девочки — отдельно. Они смотрят друг на друга. Но не подходят. Это как в Москве. Только в Москве они хотя бы делают вид, что не смотрят. Здесь — смотрят. Открыто. Как будто это нормально.

Может, здесь это и нормально. Потом я перестану всё это замечать.

Десятый класс. 10:30.

Захожу. Семнадцать человек. Десять мальчиков, семь девочек. Они сидят. Развалились. Смотрят на меня. Оценивают. У них уже голоса. Низкие. Подростковые. Они уже не дети. Но ещё не взрослые. Это самый опасный возраст. Для них. И для меня.

— Good morning, — говорю я.

— Morning, — отвечают они. Не хором. Вразнобой. Кто-то вообще молчит. Смотрит в телефон.

— Уберите телефоны.

— А если не уберём?

Это староста. Игорь Оружейников. Сидит на последней парте. Руки в карманах. Взгляд — как у человека, который привык, что ему всё можно. Лидер. Настоящий. Не назначенный. Просто лидер. Я это вижу. И он видит, что я вижу.

— Тогда я расскажу вашему отцу, чем вы занимаетесь на моих уроках. Нам это зачем?

Он усмехается. Но телефон убирает. Остальные — тоже. Медленно. Нехотя. Но убирают.

Я начинаю урок. Не по учебнику. По игре. Но игра другая. Для них. Называется «Переговоры». Они — бизнесмены. Я — представитель китайской компании. Они должны убедить меня подписать контракт. На английском. С грамматикой. С аргументами. С логикой.

Они входят в роль. Быстро. Оружейников — главный. Он говорит. У него плохой английский. Репетиторы не помогли.

Или помогли, но не так, как надо. Но он говорит. Он не боится. Он привык, что его слушают. Даже если он говорит с ошибками.

Я слушаю. Я задаю вопросы. Я не даю контракт. Пока. Они должны заслужить. Они стараются. Они спорят. Они перебивают друг друга. Они — команда. И это работает.

К концу урока они знают, как использовать Conditionals. Не потому что я объяснила. Потому что они хотели получить контракт. А контракт — это conditional. Если вы сделаете это, то получите то.

Оружейников подходит после звонка.

— Miss Sandunova.

— Yes?

— Вы не такая, как другие.

— Какая?

— Не знаю. Другая.

Он уходит. Я смотрю ему вслед. Думаю: «Ты тоже не такой, как другие. Но ты это знаешь. И это проблема».

Последняя перемена. 11:15.

Я спускаюсь вниз. В вестибюль. Второй и третий корпус — там живут дети. Школа — полу пансион. Младшие классы. Первоклашки. Они бегают. Они кричат. Они дерутся.

Я вижу их. Два мальчика лет семи что-то делят. Кричат. Один толкает другого. Тот падает. Плачет. Первый стоит. Не жалеет. Просто смотрит.

Я подхожу. Растаскиваю. Говорю: «Нельзя драться. Это

не решение проблемы». Они смотрят на меня. Первый — с вызовом. Второй — с обидой.

И тут я вижу его.

Первого. Того, кто толкнул.

У него нос. Такой же, как у меня. Точно такой же. Прямой. С небольшой горбинкой. И глаза. Серо-синие, в зависимости от настроения. Светлые. Как у меня. И чёлочка. Тёмная, как у меня. В детстве.

Меня пронзает. Как молния. Как ток. Как что-то, чего не бывает.

Такого не может быть. Это совпадение. Это случайность. Это Братск. Здесь всё странное. Здесь воздух промышленный. Здесь дети дерутся. Здесь у них носы, как у меня. Несу я какую-то чушь.

Он смотрит на меня. Долго. Как будто тоже что-то чувствует. Но не понимает. Он ребёнок. Он не должен понимать.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я. Голос почему-то хриплый.

— Максим.

— Максим. Не дерись. Понял?

— Понял, — говорит он. Но не верит своим собственным словам. Я вижу.

Он уходит. Я стою.

«Это совпадение. Это просто совпадение. У всех детей носы. У всех детей глаза. У всех детей чёлочки».

И это хуже, чем всё остальное. Хуже, чем Братск. Хуже,

чем воздух. Хуже, чем Фёдор с его обручалкой. Хуже, чем Шишкина с её запросом.

О чём я?

Глава 5. Корпоратив

После последней перемены я стою в учительской. Ноги гудят. Голова — тоже. Первый день — это всегда марафон, даже если сто раз первый. Так и есть.

Подходит Фомичёв. Говорит насмешливо, как всегда.

— Как десятый?

— Оружейников — лидер. С английским плохо. Но задатки есть.

— У всех задатки есть. Только не все хотят их развивать.

Он достаёт телефон. Вызывает такси.

— Вас подвезти? Мы, кажется, в одном доме живём.

Не понимаю.

— В одном доме?

— Ну да. Почти все учителя живут в вашем доме. Михайлов так устроил. Служебное жильё. Чтобы все были под рукой и в шаговой доступности.

— Он тоже?

— Тоже. На восьмом этаже во втором подъезде.

— А машина? — спрашиваю я.

— Что машина?

— Фёдор обещал машину. Но, кажется, только после десятого сентября. Накладочка.

Фомичёв усмехается.

— Накладочка. Это по-нашему. В контракте прописано?

— Прописано.

— Тогда верьте ему безоговорочно. Контракт — это святое. Особенно когда его нарушают.

Мы смеёмся. Такси подъезжает. Мы выходим на улицу, садимся в машину, едем.

В салоне пахнет ёлкой. Освежитель. Дешёвый. Как в Москве. Мир похож сам на себя.

— Вы поедете на корпоратив? — спрашивает Фомичёв.

— А надо?

— Надо. Первое сентября. День знаний. «АнгарЛес» устраивает приём. Все учителя приглашены. Это не обсуждается.

— А если я не хочу?

— Тогда вы будете единственным человеком в Братске, который не хочет. И это заметят. Поверьте.

Я вздыхаю. Думаю: «Корпоратив. Сбор гостей к восьми. Клуб "АнгарЛеса"». Вслух говорю:

— Хорошо. Поедем, что ли, вместе?

— Поедем вместе.

Такси останавливается у нашего дома. Мы выходим. У подъезда стоит женщина. Лет сорока. Полноватая. В очках в чёрной оправе. Химичка. Из Екатеринбурга. Я её видела на собрании. Светлана.

— О, вы уже вместе, — говорит она. — Простите, что сморозила пургу. Я тоже в этом доме. Третий подъезд. Пойдёмте вместе на корпоратив? А то одной как-то...

— Пойдёмте, — говорит Фомичёв. — Вместе веселее. Или страшнее. Как повезёт.

Светлана смеётся.

— Какие же мужики трусы.

Я не смеюсь. Я думаю: «Корпоратив. Клуб "АнгарЛеса". Главное начальство. Сам Смирнов приедет. И что?»

К восьми подъезжаем.

Здание — современное. Стекло, бетон, дерево. Вписано в лес. Как школа. Только больше. И дороже. На фасаде — огромные буквы: «АнгарЛес». Подсвечены. Видно издалека.

Внутри — просторно. Зал для приёмов. Стоят круглые, застеленные белыми скатертями столы, сервированные для гостей. Свечи. Цветы. Слева — небольшая сцена. Зрительный зал. Или танцпол. Пока непонятно. Стильно, дорого, как в Москве, только лучше. Потому что Сибирь.

Народ уже собирается. Человек сто. Может, больше. Мужчины в костюмах. Женщины в платьях, но не в вечерних — в коктейльных. Все — элита и все, по сути, приезжие: менеджеры первого звена, руководители, их жёны, их мужья, родители детей из нашей школы.

Коктейль. Стоячий. Все движутся, улыбаются. Все говорят, но никто никого не слушает. Это нормально. Это светская беседа. Она для того и придумана, чтобы никто никого не слушал, чтобы шуметь.

Я стою с Фомичёвым. Светлана рядом. Она пьёт белое вино. Я — воду. Фомичёв — виски со льдом.

— Видите вон того? — Фомичёв кивает на мужчину в сером костюме. — Это начальник отдела кадров. Он вас нанял. Точнее, согласовал.

— А вон тот? — киваю я на женщину в красном.

— Финансовый директор. Она считает деньги. Все, даже наши.

— А вон тот?

Я показываю на человека, который только что вошёл. Высокий, молодой, спортивный, лет тридцати с небольшим. Тёмные волосы, серые глаза, дорогой костюм.

От шума, новых впечатлений, новых знакомств и от самого первого сентября, которое никак не закончится, мне кажется, что у меня галлюцинации. Как будто я знаю этого Смирнова, но откуда, не помню. А даже если и помню, то этого никак не может быть.

Беру с подноса бокал с шампанским и делаю глоток. Холодное, настоящее шампанское. Брют.

Фомичёв смотрит. Молчит. Потом говорит:

— Это Смирнов. Евгений Сергеевич. Главный.

— Главный? — переспрашиваю я. Чего он главный, я уже не понимаю. Главный по Братску или по Сибири?

— Главный. Унаследовал бизнес от отца. Тридцать четыре года. Управляет всем. Лес. Заводы. Люди. Школа. Мы.

Главный идёт через зал. Люди расступаются.

Он подходит к сцене. Берёт микрофон. Говорит:

— Добрый вечер! Спасибо, что пришли. Сегодня первое

сентября. День знаний. Мы открыли школу. Наш лицей. Для наших детей. Для будущего. Я хочу сказать спасибо всем, кто участвовал в подготовке этого большого и важного для нас проекта. И всем, кто будет работать. Учителям. Особенно учителям. Вы делаете то, что не можем сделать мы. Вы делаете людей.

Он говорит тихо. Все слушают. Вероника Львовна даже развернулась в его сторону одним ухом. На ней крупные золотые серьги-висюльки. Они отдельно, очки отдельно, она отдельно. Не важно.

И тут Главный поворачивает голову и находит глазами меня в толпе. Смотрит. Внимательно. Как будто тоже что-то чувствует. Но не понимает.

Меня трудно не заметить при всём желании. Я высокая, я в синем платье с глубоким V-образным вырезом, который оголяет немного плечи, не грудь, грудь у меня маленькая, если что, У меня своеобразная причёска с чёлкой. Нос с горбинкой всегда при мне. Жёлтой шали, как на портрете Альтмана, у меня нет, но и этого всего достаточно, чтобы узнать, кто понимает.

Я замираю. «Бежать!»

Фомичёв замечает. Спрашивает:

— Вы его знаете?

— Нет, — говорю я. Быстро. Слишком быстро.

— А он вас, кажется, знает.

— Не может быть. Я первый раз в Братске.

— В Братске всё может быть. Это Братск.

Смирнов отводит взгляд. Продолжает говорить. Про будущее. Про детей. Про школу. Про регион. Я не слушаю. Я думаю: «Бежать!»

Но я не бегу. Я стою. Потому что некуда бежать. Потому что это моя работа. Потому что контракт. Потому что Братск.

А потом начинается рассадка. Круглые столы. Ужин. Смирнов садится за центральный стол. Я сажусь за свой. С Фомичёвым, со Светланой, с физичкой, с географом, ещё с кем-то новым. Не смотрю в его сторону.

Глава 6. Танцы

За столом говорят. Много. Хорошо. Правильно. Настроение у всех приподнятое. Ждут хороших жизненных перемен.

— Кабинеты — чудо. Спектрометры — последняя модель. Дети в восторге, — говорит женщина в красном. Финансовый директор. Она ест салат и считает калории.

— История — новый курс. Не хронология, а проблемный подход. Дети сами ищут источники, — говорит мужчина в сером. Начальник отдела кадров. Он ест мясо. С кровью.

— Химия — супер. Вытяжка — как в ЦЕРНе. Почти, — говорит Светлана. Она пьёт вино. Второй бокал. Или третий. Я сбилась.

Я молчу. Ем. Смотрю в тарелку. В тарелке — рыба. Какая именно, я не разбираюсь.

Фомичёв наклоняется. Тихо:

— Вы не участвуете в беседе.

— Я участвую. Молча. Вспоминаю, что такое ЦЕРН, и почему там вытяжка.

— Да, оставьте. Мало ли что она там спьяну наговорит.

Он усмехается. Отпивает виски. Смотрит на меня. Насмешливо. Но не обидно.

— Ладно. Давайте я вас развлеку. Что вы хотите знать?

— Всё.

— Это слишком много. Выбирайте.

Я думаю. Потом спрашиваю:

— Что вы делаете в Братске? Откуда вы? Развелись, наконец, и приехали за новой жизнью?

Щурится. Потом ставит стакан.

— В точку. Развёлся. Приехал за новой жизнью. Только она не новая. Она просто другая.

— Дети есть?

— Нет. Не успели. Или успели, но не получилось. Тут как повезёт. Все здоровы. Метафизические тайны бытия, — иронизирует. — А вы?

— Что я? — пожимаю плечами. Как же я не люблю разговаривать на тему своей личной жизни. Зачем только его спросила про всё это? Нахваливала бы лингафонные кабинеты, новые учебники, да всё равно что.

— Замужем? Дети? — продолжает Фомичёв. А как же! Я качаю головой.

— Замуж не хочу. На всякий случай декларирую. Чтобы вы сразу знали. Сразу — на берегу. Дружить могу. Замуж — нет.

Он смеётся. Тихо. Не обидно. Верит или не верит — его дело.

— Принято. Дружба. Это тоже неплохо. Иногда даже лучше, но сложнее.

На сцене появляется ведущий: молодой, энергичный, в голубом смокинге, с микрофоном и байками. Байки про первое сентября, про детей, про родителей, про учителей. Шут-

ки — средние, нейтрально-толерантные, хотя и новые для меня. Я смеюсь вместе со всеми. Отчасти потому что надо, потому что корпоратив, потому что в стае.

Я смеюсь. Украдкой смотрю в сторону стола Смирнова. Его там уже нет.

Я не заметила, когда он ушёл. Как будто его и не было. Как будто он мне привиделся. Как будто это был не человек, а знак из прошлого. Или предупреждение.

Стало легче. Немного. Такое впечатление, что кто-то выключил яркий свет, который мешал.

Я начинаю разговаривать с Фомичёвым, со Светланой, с кем-то ещё. О школе, о детях, о Братске, о воздухе. Обо всём. Ни о чём.

Играет музыка. Танцы. Фомичёв встаёт и протягивает руку.

— Один танец.

— Только один.

— Только один.

Мы танцуем. Он ведёт. Уверенно. Я не сопротивляюсь. Музыка — медленная. Что-то советское, знакомое, но давно забытое. Я не знаю, но Фомичёв знает и напевает. Тихо. Мне в ухо.

— Лев, — говорю я.

— Что?

— Вас зовут Лев. Лев Фомичёв. Я только сейчас поняла.

— Большое дело. Что значит поняла? Вы меня пугаете,

Есения. Вы думали, я безымянный?

— Я думала, вы литератор. У литераторов не бывает имён. Только фамилии.

Он смеётся. Я тоже. Белиберда какая-то.

Танец заканчивается. Я возвращаюсь за стол. Мне хочется скорее домой, но я держусь. Потому что нельзя. Потому что контракт. Потому что Братск.

Светлана допивает вино. Смотрит на часы. Говорит:

— Завтра рабочий день, коллеги. П-пора домой, — ей немного грустно как будто.

Она ждала, что её кто-нибудь пригласит на танец, но не случилось.

Я встаю. Быстро. Слишком быстро. Фомичёв тоже встаёт.

— Подвезти?

— Мы же в одном доме.

— Точно. Забыл.

Придуривается.

Мы выходим. На улице — воздух. Промышленный, тяжёлый, но сейчас он кажется легче. Может, привыкла. Может, устала. Может, всё сразу.

Такси. Едем. Молчим. Светлана дремлет, откинувшись на спинку сиденья. Фомичёв смотрит в окно. Я смотрю в окно. За окном — Братск. Огни. Трубы. Лес.

Поднимаюсь в квартиру. Открываю дверь. Тишина. Фикус на подоконнике. Молчит.

Иду в спальню. Падаю на кровать, не раздеваясь. Смотрю

В ПОТОЛОК.

Итак.

Смирнов. Евгений. Тридцать четыре. Унаследовал бизнес. Вот он где. Мне и в голову не могло прийти, что встречу его здесь. А надо было подумать. Его отец всегда занимался лесом. Изменился, но не очень. Просто возмужал. Конечно, он меня узнал. Он увидел меня на второй минуте своей речи. Если уж Фомичёв заметил, то бабы в зале точно заметили. Это потом.

Я закрываю глаза.

Завтра рабочий день. Завтра десятый класс. Завтра Оружейников. Завтра всё будет по-другому.

Но это неправда. Всё будет так же. Только я буду знать, что Смирнов где-то рядом. А ведь почти освободилась от него и перестала ждать. Совсем перестала.

Я встаю. Иду на кухню пить воду. Открываю холодильник. Там — разные мелочи, которые прихватила в маленьком магазинчике по дороге: два йогурта, пачка яиц. Беру бутылку воды с газом и с силой отвинчиваю пробку.

Дзын. Сообщение.

«Есения, видел тебя. Хочу повидаться. Завтра после уроков пришлю за тобой машину в школу. Евгений».

Нормально так написал. По существу. А что ещё он мог написать в коротком СМС? Подробности завтра при встрече.

Лицо горит, руки холодные, не знаю, куда себя деть.

Надо было прилететь в Братск, за тысячи километров,

чтобы его встретить наконец.

И что я ему скажу? Что я восемь лет приходила в себя и так и не завела себе даже самого паршивенького бой-френда?

Сначала я послушаю, что он скажет. А потом уже решу, достоин ли он моих откровений.

Глава 7. День из подсознания

Я просыпаюсь в шесть. Не от гудка. От мысли.

Смирнов.

Боюсь открыть глаза и столкнуться с реальностью.

Ещё несколько минут и встаю.

Восемь лет.

Восемь лет прошло. Ну и что? Он каким был, таким и остался. Да, заматерел, в дорогом костюме, Главный, важный, уверенный. Он всегда таким и был. А сейчас он тот, ради чего бросил всё в Москве и уехал. Стал тем, кем его хотел видеть отец.

Живёт и руководит. Меня в его жизни нет. Так, в памяти иногда что-то, наверное, простреливает, когда слышит про Ахматову, например, или про куклы. Он подарил мне одну куклу в мою коллекцию. Привёз из Германии, из антикварного магазина. Фарфоровая, с настоящими волосами, в синем платье. Подбирал под меня, но я не люблю её. Она так и лежит у мен в шкафу в коробке.

И вижу его. Молодого. Ему двадцать шесть. Он в старой клетчатой рубашке, с растрёпанными волосами до середины шеи, сидит на подоконнике в моей бабушкиной квартире и говорит: «Папа хочет, чтобы я вернулся в Братск. Занялся лесом. Он стареет. Ему нужна помощь».

Я тогда сказала: «Ты взрослый человек. Ты сам решаешь».

Он кивнул. Согласился. А через неделю уехал к папе. И не вернулся.

Не позвонил. Не написал. Не объяснил. Просто исчез. Как будто меня никогда не было. Как будто нас никогда не было. Как будто всё, что было между нами, — это сон. Долгий. Тёплый. И неправда.

Я ждала. Первый месяц. Второй. Третий. Я постоянно смотрела на телефон. Я не спала. Я ходила по Москве и искала его в толпе. Я спрашивала у общих знакомых. Они пожимали плечами. «Уехал. В Сибирь. К отцу. Больше не знаем».

Я запретила себе думать о нём. Стёрла. Удалила. Как файл. Как фотографию. Как всё.

Сейчас бы так не сделала. Если бы у меня тогда были сегодняшние мозги... зачем об этом? Бессмысленно.

Я научилась просто, мудро жить,

Смотреть на небо и молиться Богу,

И долго перед вечером бродить,

*Чтоб утомить ненужную тревогу.**

А теперь он здесь. В Братске. В клубе «АнгарЛеса».

Встаю. Иду в душ. Сегодня день, который подсознательно я ждала много лет.

Что он скажет?

Что-нибудь такое, что должно всё расставить по местам.

«Есения, добро пожаловать в мою школу. Я польщён твоим выбором. Но дело такое — я счастливо женат. И наши отношения давай оставим просто в памяти. Их уже нет. Хочу это тебе напомнить. Не мешай мне тут жить, если у тебя есть намерения их воскресить».

Может? Вполне.

Или не так: «Прости. Я был молодым. Я был дураком. Я не знал, что делаю». Или: «Я искал тебя. Долго. Но не нашёл». Или: «Я не хотел. Так вышло».

Мне есть, что ему предъявить. Может выбирать любой вариант из того, что я придумала, что он скажет. Моя история от этого не изменится. И готовиться мне, по сути, нечего.

Я не буду оправдываться. Не буду объяснять. Не буду просить. Я просто залеплю ему пощёчину для начала. И расскажу, как было. Как я мучалась. Как я не спала. Как я ждала звонка. Как я смотрела на телефон. Как я думала, что сойду с ума. Как я ходила по Москве и искала его в толпе. Как я поняла, что он исчез. Навсегда. Что он не вернётся. Что он выбрал папу. И лес. И дочь его партнёра. И новую жизнь. Без меня.

Я представляю, как говорю это. Спокойно. Без слёз. Без истерики. Просто. Как факт. Как погоду. Как воздух в Братске. Тяжело, но обычно.

«Откуда мне было знать, где ты. Ты не сказал. Ты просто ушёл. Так получилось».

Я выхожу из душа, вытираюсь, одеваюсь, смотрю в зерка-

ло: нос, синие глаза, чёлочка. Ахматова в молодости, только старше. На восемь лет старше. И мудрее. Подмигиваю себе в зеркало.

Иду в школу. Пешком. Воздух — промышленный, тяжёлый. Привыкаю.

«Сегодня девятый класс. Ещё один Оружейников. Потом одиннадцатый. Потом...»

Звонок. Телефон.

Директриса.

— Есения Борисовна? Вероника Львовна.

— Доброе утро, — что-то стряслось.

— Доброе. У нас ЧП.

— Что случилось?

— Учительница первого класса вчера после корпоратива сломала ногу, представляете? Прийти не может. Мы распределяем часы первоклашек между учителями. У вас вторая пара — английский.

Я останавливаюсь. Посреди улицы. Смотрю на трубы. Перwokлашки. Английский. Я с мелюзгой не работала никогда.

Вслух говорю:

— Вероника Львовна, я с маленькими не работала.

— Знаю. Но что делать. Методички в учительской есть запасные. Посмотрите. Они там буквы изучают. По две в день. Или что-то устное. Не помню. Вы справитесь.

— Хорошо.

— Сегодня у вас девятый и одиннадцатый. А между ними

— первый. Справитесь?

— Справлюсь.

На ходу придумываю игру для первоклашек. Что-то связанное с буквами. Может, поиграть в азбуку? Надо успеть просмотреть методички. Начальная школа в круг моих обязанностей не входит.

Урок в девятом прошёл, как по маслу. Тихие какие-то, внимательные. Интересные.

После перемены иду в первый.

Захожу. Двадцать человек. Маленькие. Сидят, ждут, смотрят на меня, как на чудо. У них всего-то второй школьный день в жизни.

Я не искала его специально, но глаза сами моментально его находят.

Максим.

Он сидит у окна. Рядом с ним девочка с косичкой.

Не могу оторвать от него глаз. Что это? Что это такое?

Он поворачивается. Смотрит на меня. Как будто тоже чувствует. Но не понимает. Он ребёнок. Он не должен понимать.

— Good morning, — говорю я. Стараюсь звучать звонко.

— Good morning, — отвечают они. Хором. Как в Москве. Как везде. Уже научились.

Я начинаю урок. Буквы. Две буквы. А и В. Я говорю: «А — это apple. В — это ball». Они повторяют. Смеются. Играют.

Максим как будто меня изучает. Как будто пытается по-

нять. Что-то. Что-то важное. Что-то, что он не может вспомнить. Но чувствует.

Я подхожу к нему. Ближе. Ещё ближе. Смотрю на его нос. Такой же, как у меня. С небольшой горбинкой. Глаза. Серые. Или синие. Светлые. Как у меня. Чёлочка. Тёмная. Как у меня в детстве.

— Максим, — говорю я. Тихо. Только для него.

— Да?

— Ты знаешь букву А?

— Знаю.

— Покажи.

Он показывает. На карточке. А. И apple. Он показывает. Правильно. Молодец.

— Хорошо, — говорю я. — Молодец.

Он кивает. Смотрит. Потом спрашивает:

— А вы откуда?

— Из Москвы.

— А почему приехали?

— Работать.

— А зачем?

— Чтобы учить таких, как ты.

Он молчит. Потом говорит:

— У вас нос, как у меня.

Я замираю. Мы — как два зеркала, которые отражают друг друга. И не понимают, что отражают.

— Правда? — спрашиваю я. Голос — шёпот.

— Правда. Я заметил. Вчера. Когда вы нас разнимали.

— И что?

— Ничего.

Я продолжаю урок. Всё хорошо.

Чувствую, как что-то поднимается во мне. Из глубины. Из тех мест, куда я запретила себе заглядывать. Что-то тёплое. И болезненное. Как старая рана, которая вдруг заныла.

- -

*«Я научилась просто, мудро жить...» - Анна Ахматова, стихотворение из сборника «Чётки», 1912

Глава 8. Как тебе Братск?

Занятия заканчиваются.

Волнение от встречи со Смирновым нарастает.

Я иду в учительскую. Кладу на место методички. Заходит Вероника Львовна и вся рассыпается в любезностях.

— Дети в восторге. Я слышала, как они пели эти ваши песенки. A is for apple. B is for ball. Прелесть.

Я киваю. Не слышу. Не слушаю.

— Учительница первого класса сломала ногу, как я вам сказала. Серьёзно. Очень серьёзно. Мы сейчас отбираем кандидаток. Я выберу из предложенных. Но пока — вы. Вы справитесь. Я в вас уверена.

Я киваю. Опять. Как болванчик. Как кукла. Как та кукла, которую я так и не заказала.

Телефон. Смс.

«Машина в школьном дворе. Водитель ждёт».

Выхожу. Джип. Чёрный. Огромный. Как будто его специально сделали таким, чтобы все понимали: здесь едет кто-то важный. Или кто-то, кто хочет казаться важным.

Едем. Водитель не разговаривает, ведёт машину очень внимательно, медленно притормаживает, осторожничают на поворотах. Весь в дороге.

Вижу реку. Я ещё не гуляла по её берегам, я почему-то откладываю её на потом.

Подъезжаем.

Здание — стекло и бетон. Как школа, только больше. Внутри — просторно, холодно, стильно, дорого.

Меня ведут по коридору. Люди смотрят. Кто-то узнаёт после корпоратива. После того, как я стояла рядом с Фомичёвым. После того, как Смирнов смотрел на меня через зал.

Двери открываются.

Кабинет.

Стеклянная стена. Во всю стену. За ней — Ангара. Река уходит вдаль. Туда, где плотина. Туда, где Братское море. Я не вижу плотину отсюда. Но я знаю, что она там. Она всегда там. Где-то в тридцати километрах отсюда, если верить географии. Но река — вот она. Прямо передо мной. Широкая, спокойная, могучая.

Евгений встаёт из-за стола. Идёт навстречу. Улыбается.

Я знаю эту улыбку. Хотим мы этого или нет, но улыбка прилепляется к человеку навсегда. Это его визитная карточка. Восемь лет назад Смирнов улыбался точно так же.

Когда говорил: «Папа хочет, чтобы я вернулся. Там серьёзный бизнес». И когда говорил: «Я вернусь за тобой. Обещаю».

Он не вернулся.

— Есения. Здравствуй.

Голос. Тот же. Хрипловатый, спокойный. Как будто мы виделись вчера. Как будто не было восьмилетней разлуки. Он хочет, чтобы всё выглядело именно так — ерунда, мы не

виделись несколько лет, ну и что?

— Здравствуй, Евгений.

Я стою напряжённо. Не знаю, чего ждать.

Он садится в кресло и приглашает меня жестом сесть напротив.

Я не хочу поддерживать его наигранную лёгкость. Во-первых, из принципа не хочу, чтобы ему было легко, а во-вторых, мне совсем не легко.

Молчание. Долгое. Как река за стеклом.

— Как тебе Братск? — спрашивает он.

Как тебе Братск?

Не «прости». Не «я скучал». Не «почему ты не писала». Просто «как тебе Братск».

— Нормально, — говорю я. Голос ровный. Или почти.

— Воздух тяжёлый, да. Но привыкаешь. Я привык.

— Я тоже.

— Хорошо. Это хорошо. Значит, останешься.

Он улыбается. Как будто это решено. Как будто я уже осталась. Как будто у меня нет выбора.

Скажи что-нибудь. Скажи, что ты помнишь. Скажи, что ты знаешь. Скажи, что тебе жаль. Женя!

— Я рад, что ты согласилась. Школа — это важно. Для города, для детей, для будущего. Ты — профессионал. Я это знал ещё тогда в Москве.

Тогда в Москве.

Восемь лет назад. В бабушкиной квартире на подоконни-

ке. Он сидел, смотрел в окно и говорил: «Папа хочет, чтобы я вернулся в Братск. Занялся лесом. Он стареет».

Я тогда сказала: «Ты взрослый человек. Ты сам решаешь».

Он кивнул. Согласился. И через неделю уехал. К папе.

Я не писала. Не звонила. Не искала. Гордость. Или страх.

Или что-то ещё. Что-то, что я до сих пор не могу назвать.

А он не искал меня. Никогда. Восемь лет. Ни звонка. Ни письма. Ни слова.

И вот теперь — «как тебе Братск».

— Евгений, — говорю я. Медленно. Как будто пробуя слово на вкус. — Ты помнишь?

Он смотрит. Улыбка не уходит. Но что-то меняется. В глазах. Или мне кажется.

— Помню что?

— Всё.

Он молчит. Секунду. Две. Три.

— Есения, — говорит он. — Прошное — это прошное. Мы были молоды. Мы были другими. Сейчас у нас есть работа. Есть школа. Есть будущее. Это важно. Остальное — неважно.

Неважно.

Восемь лет. Мои слёзы. Моё ожидание. Моя пустота. Всё это — неважно.

Скажи это. Скажи, что ты не помнишь. Скажи, что ты забыл. Скажи, что это была ошибка.

— Я хочу, чтобы ты знала. У меня есть семья. Жена. Всё

хорошо. Я не хочу, чтобы что-то изменилось. Понимаешь?
Понимаю.

Он женат. У него семья. У него всё хорошо. И я не должна ничего менять. Я не должна напоминать. Я не должна существовать в его прошлом.

— Понимаю, — говорю я.

И это правда. Я понимаю. Всё понимаю.

Я понимаю, что он не знает. Не знает о том, что я осталась с ребёнком. Не знает, что я потеряла его. Не знает, что я восемь лет жила с этим. С этой пустотой. С этой болью. С этим молчанием.

Он не знает. И я не скажу. Не сейчас. Может, никогда.

— Хорошо, — говорит он. Встаёт. Протягивает руку. — Удачи тебе, Есения. На профессиональном поприще. Я рад, что ты здесь.

Я встаю. Смотрю на его руку, на его лицо, на его глаза, которые смотрят на меня и не видят. Или видят, но не помнят.

Я не беру руку. Просто киваю.

— Спасибо.

И выхожу.

Коридор. Люди. Стекло. Бетон. Ангара за окном. Река. Как будто она видела всё. И ей всё равно.

Я иду. Ноги сами несут. Куда — не знаю. Просто иду.

Телефон. Смс. Фомичёв.

«Как прошло?»

Откуда он взялся? Откуда он знает, что я у Главного?

Спрошу обязательно. Но это какое-то нездоровое любопытство. Это невежливо, в конце концов.

«Нормально. Как в Братске. Тяжело, но привыкаешь».

Отправляю. Убираю телефон.

Выхожу на улицу.

Он не знает. И не узнает. Никогда.

И это — самое страшное. Не то, что он бросил. Не то, что не вернулся. Не то, что забыл. А то, что он не знает. О том, что был ребёнок. О том, что я была одна. О том, что я потеряла. Всё сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.